

THE ROLE OF DEIXIS IN THE
GROTESQUE GENESIS
(ON WORKS OF W. GOMBROWICH)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

Deictic markers play a leading role both as catalysts and semantic nuclei in the genesis of grotesque in the works of W. Gombrowic, so much domineered by grotesque. They focus the grotesque image, giving it centripetal and sublimated, yet panoramic nature. They make it plastic, palpable and real. Using these diverse operators, the representative meaning-related and aesthetic function of deixis is complemented by other functions that enrich the functional range of the category in the grotesque zone.

Keywords: deixis, grotesque, semantics, cognitive perspective, functionality, communication.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

РОЛЬ ДЕЙКСИСА В ГРОТЕСКОГЕНЕЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА
В. ГОМБРОВИЧА)

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

В доминированном гротеском творчестве Витольда Гомбровича дейктические маркеры играют ведущую роль как катализаторы и вместе с тем как семантические ядра в гротескогенезе. Они фокусируют гротескное изображение, придавая ему как центростремительный и сублимативный, так и панорамный характер; делают это пластичным, осязаемым и рельефным. С помощью разнообразных операторов репрезентативная смыслово-эстетическая функция дейксиса дополняется другими функциями, обогащающими функциональный диапазон категории в гротескной зоне.

Ключевые слова: дейксис, гротеск, семантика, когнитивная перспектива, функциональность, коммуникация

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1258>

Категория дейксиса – сколь привлекательный, столь и ускользающий объект исследования, обладающий скорее неустановимыми, чем неустановленными границами. Эта неустановимость лишь на первый взгляд кажется обескураживающей для исследователей; на самом деле она представляет собой довольно точный ориентир для направления и внушительной масштабности будущих научных поисков. Многоаспектный, неоднозначный и часто процессуальный характер дейктика, а также его „растяжимая“, вариативная, трансформативная и модулирующая природа превращают его в весьма сложную и проблемную область для исследования. Бесспорные прямые экспоненты категории – указательные и личные местоимения часто „затмевают“ обширные зоны ее многоликости и динамической структуры. Важным шагом вперед в зондировании этой территории является, безусловно, когнитивная перспектива исследования, которая автоматически обязывает дейксис с категориями времени, вида, модальности и оттеняет его одновременно как отправной пункт, опорный столб („координатная система“) и результат, как в процессе устной ком-

муникации, так и в литературном дискурсе.

1.0. Семантико-прагматические параметры дейксиса.

Дейктические слова не лишены значения, как утверждают многие исследователи; их имманентная и представительная функция – референциальная, не исключает их смысловую консистенцию, не делает их асемантическими, а скорее выделяет их как смыслопорождающие и смыслокоординирующие. Референциальная функция – ориентационно-семантическая директива. Помимо того, дейкторы прецизируют и прагматизируют семантику высказывания. Перемещение зрительного угла в сторону прагматики поднимает важность категории значения на более высокий уровень, увеличивает его ценность и нюансированность, а роль дейксиса как *rag excellence* прагматическая величина в этом процессе ключевая. В этом смысле дейкторы можно рассматривать как маркеры „значения значения“ [выражение Дж. Холита по Димитровой 2009: 40], т.е. грамматики значения. Заметна их заслуга в толковании высказываний как неделимой части прагматической ситуации и коммуникативных целей речевого акта. В этой

череде рассуждений – и важное наблюдение Н. Арутюновой и Е. Падучевой, приведенное Ст. Димитровой в ее монографическом труде *Лингвистическая прагматика*: „Прагматизация значения оформляется с помощью материала, включающего контекстно чувствительные языковые элементы, и в первую очередь – слова, лишённые устойчивого дескриптивного содержания. И если оценочные слова демонстрируют определенный максимум контекстной зависимости, то другой максимум реализуется в дейксисе и дейктических компонентах лексического и грамматического значений.“ [по Димитровой 2009: 40].

Эта констатация сколь убедительна, столь и стилизованно-условна. Принципиально слабая связь дейктических функторов с контекстом, проявляющаяся скорее всего в абстрактном плане, не лишает их „весомости“ значения, а оттеняет их значимую роль в семантической организации высказывания как отражение мультимодального поликодового гипертекста¹ (термин Александры Залевской), который представляет как отдельное слово в качестве своего экстракта, так и речевой акт в целом. Субкатегории комического

¹ Русский исследователь рассматривает значение слова в человеческом лексиконе в психолингвистическом аспекте, как результат его включения во внутренний контекст живого поликодового гипертекста – мультимодального продукта переработки разнообразного познавательного опыта и общения, который формируется и функционирует как самоорганизующаяся многостепенная динамическая система кодов и кодовых переходов. Необходимость учитывания (на разных уровнях осознанности) более или менее развернутой сети эмоционально-оценочно маркированных исходных знаний и переживаний, регулируется нуждами конкретной ситуации естественно-го семиозиса и осуществляется посредством множества признаков различных модальностей. [Залевская 2012].

(ирония, пародия, гротеск), и в частности гротеск, как наиболее пластичная и визуально-осязаемая дейк-тема², являются убедительной иллюстрацией этого наблюдения. Оказывается (как мы попробуем доказать дальше в изложении), что дейкторы обладают сущностной контексто-фиксирующей, контекстомоделирующей и контекстофузивной (контекстосвязывающей, контекстоспаивающей) ролью, а приведенная выше цитата русских исследователей (Н. Арутюновой и Е. Падучевой) только частично совпадает с нашей точкой зрения – лишь в том смысле, что связь между дейксисом и значением оказывается бесспорным фактом. Что касается противопоставления дейкторов и оценочных слов, мы не считаем, что оно оправдано, ввиду, например, того обстоятельства, что один из наиболее мощных операторов реляционного дейксиса – это модальность – категория, обладающая наивысшей степенью оценочности, а также – проистекающая из нее вербальная аксиологическая селекция. Подтверждением нашего тезиса может послужить гротеск как яркая оценочная дейктема.

1.1. Литературная коммуникация в дейктической перспективе

Сужение функционального реестра дейктика до идентификации (индексации) и дифференциации (обособления, разграничения) объекта чувствительно редуцирует его семантико-регулятивный потенциал, который может быть раскрыт и развернут полностью только в коммуникативной сфере, благодаря распознавательной-декодирующей и воссоздающей интервенции адресата (респективно читателя). Это вмешательство – плод усиленной когнитивной деятельности.

Литературная коммуникативная платформа, чьими яркими репрезентантами являются субкатегории комического, предлагает большие рецептивные возможности, именно благодаря их дейктическим квалификантам. Смысловое структурирование текста как архитекtonика узловыми

дейктическими звеньями является следствием пополнения свободных пространств между словами элементами нашего жизненного опыта и знаний. Исследуя когнитивный дейксис, П. Стоквелл дает удачное определение категории: „Способность языка закоривать смысл в контексте названия **дейксисом** (гр. *δεικσις* „проявление, обнаруживание”). Тексты можно рассматривать с точки зрения употребленных в них дейктических средств.” [Stockwell 2006: 61]. Английский специалист подчеркивает, что дейксис исключительно важен для воплощенной перцепции, а когнитивные науки, со своей стороны, предлагают новое, когезивное решение. [Stockwell 2006: 61–62]. Дейктические маркеры в художественном тексте делают возможными воссоздание и внутреннюю координацию ролевого спектра, распределенного между А и Ч³. Автор объединяет следующие дейктические роли: собственную свою роль индивидуального творца, роль субъекта творческих операций, роль внутреннего автора, роль рассказчика и роль конкретного героя (респективно героев), в которую (которые) он перевоплощается. Читатель, со своей стороны, является фокусом следующих ролевых функций: индивидуального реципиента, идеального Ч, виртуального Ч, адресата наррации и героя (респективно героев), в которого (которых) перевоплощается. Дейктическая координатная система в художественном произведении, актуализированная и воспроизводимая Ч не только в его собственной зоне, но и в зоне его коммуникативного партнера – А, обеспечивает интегративное и интерактивное взаимодействие упомянутых ролей, их динамическое сцепление (конгруенцию), их бесконфликтное (гармоничное) сожительство, в результате которого Ч генерирует и регенерирует смысловую целостность и когерентность текста. Эти корреляции, основанные на дейксисе, гарантируют успех речевого литературного мегаакта. В свою очередь, каждая из упомянутых ролей, как отмечает П. Стоквелл, мо-

жет быть описываема и прослеживаема посредством дейксиса. Гротеск как „пульсирующая” мегадейктема, идентифицированная Ч, вызывает его эстетическое „всасывание” и игровое „телепортирование” в зону А, где Ч начинает функционировать временно как со-автор. Философско-эстетический дейксис, как часть гротескной конституции, превращает гротеск из контекстовой детерминанты в эволютивно-экстратекуальную категорию. Благодаря нашей способности к **дейктическому проектированию**, мы можем перемещать дейктический центр и принимать разные субъективные роли, т.е., менять свои роли.

1.2. Дейктические подкатегории в литературе

По отношению к литературному контексту П. Стоквелл выделяет следующие дейктические подкатегории:

1. *перцептивный дейксис* – охватывает выражения, относящиеся к участникам в тексте в их качестве воспринимающих субъектов. Они иллюстрируют их ментальную репрезентацию и очерчивают территорию социально маркированного речевого акта. Сюда примыкают личные „ja/mnie/ty/oni/ono” („я/меня/ты/они/оно”) и указательные „ci/te/tamci/tamte” („эти (род мужско-личный)/эти (род женско-предметный)/они (род мужско-личный)/они (род женско-предметный)”) местоимения, определительный член „the man” и определительная референция „Bob Taylor”, а также интеллектуальные состояния „myślenie/przypuszczenie” („мышление/предположение”).

2. *пространственный дейксис* – охватывает выражения, позиционирующие дейктический центр в каком-то месте (сюда примыкают адвербиальные местоимения и наречия „tu/tam” („тут/там”), „blisko/daleko” („близко/далеко), обстоятельства места „w dolinie” („в долине”), „z wysokiego zamku” („из высокого замка”), указательные местоимения „to/tamto” („это/то), глаголы движения „przyjść/pójść”, „przynieść/zabrać” („прийти/пойти, „принести/отнести”).

² Наше терминологическое предложение для обозначения указывающей единицы как эмблематического представителя категории дейксиса.

³ Для удобства будем использовать только инициалы А и Ч соответственно для автора и читателя.

3. *темпоральный дейксис* – выражения, ситуирующие дейктический центр во времени (сюда примыкают наречия „dzisiaj/wczoraj/jutro/wkrótce/różniej” („сегодня/вчера/завтра/скоро/позже), обстоятельства времени „za mojej młodości” („когда я бы молод”), „po trzech tygodniach” („на три недели позже”) и в первую очередь грамматические категории времени и вида глагола, которые разграничивают „сейчас говорящего”, „сейчас фабулы” и „сейчас воспринимающего”).

4. *реляционный дейксис* – выражения, кодирующие общественную перспективу, а также соотношение между авторами, нарраторами, героями и читателями. Сюда попадают модальность, ракурсы точки зрения, различные виды титулования и формы вежливости.

5. *текстовый дейксис* – выражения, выводящие на передний план текстуальность: заглавия глав, деление на абзацы, отсылки к другим частям текста, привлечение внимания к самому тексту или к творческому акту его сотворения, обращения к Ч и т.д.

6. *композиционный дейксис* – аспекты текста, выделяющие жанровый тип или литературные компетенции, доступные для Ч с определенной степенью ознакомленности. Стилистический подбор кодирует дейктические отношения между А и Ч данной литературы [Stockwell 2006: 68–69].

Мы возразили бы только по отношению к термину *пространственный дейксис* как маркеру субкатегории, поскольку он дублирует обозначение инварианта: исконная семантическая квалификанта дейксиса – это пространственность во всех ее „перевоплощениях”.

Так как литературный дейктик воссоздается и активизируется („начинает работать”) благодаря читательской оперативности (она идентифицирует и актуализирует авторский дейксис и наряду с этим соизмеряет свою индивидуальную позицию относительно заданных дейктических координатов, создавая и свой собственный дейктический центр), роль Ч в дейктическом структурировании ключевая. Его способность к дейктической созидательности предопределяет его креативные функции. В этом ходе размышлений

исключительно ценно наблюдение П. Стоквелла: „Ponieważ występowanie wyrażen deiktycznych jest uzależnione kontekstowo, lektura tekstu literackiego wymaga tworzenia kontekstu, który pozwala śledzić punkty zakotwiczenia deiksy. Czytanie jest twórcze właśnie ze względu na to posługiwanie się tekstem do budowy dostępnego poznawczo świata, a proces ten ma charakter dynamiczny i zmienny. (Поскольку появление дейктических выражений контекстово обусловлено, чтение литературного текста требует создания контекста, который позволяет проследить заякоривающие звенья дейксиса. Чтение – творческое занятие, как раз из-за возможности использовать текст для созидания доступного для нас в познавательном отношении мира, а у этого процесса динамический и изменчивый характер) [Stockwell 2006: 69].

1.3. Дейктическая транспозиция

Как метко отмечает П. Стоквелл, серьезная дискуссия относительно дейксиса немыслима без темы **познания**. Для этой цели английский ученый привлекает теорию о дейктическом переносе (TPD – teoria przesunięcia deiktycznego) (ТДП – теория дейктического переноса), чье основное преимущество заключается в том, что сосредоточивает внимание на дейктической проекции в ее качестве познавательного процесса (Stockwell 2006: 70). Занятие познавательной позиции со стороны Ч в сотворенном фикциональном мире текста – дейктическая транспозиция (наше терминологическое предложение), позволяющая ему проектировать дейктические выражения относительно перемещенного дейктического центра. Так Читатель получает возможность следить за текстом с позиции и героев, и нарратора. Таким образом он может создавать разнообразные контексты, интерпретируя дейктические маркеры с разных точек зрения. Идея перемещенного дейктического центра, как отмечает П. Стоквелл, имеет целью выяснить явление перцепции и обеспечить сцепление литературного текста. Ученый констатирует: „Kluczowe zagadnienia badawcze TPD to sposób budowania centrum deiktycznego przez autora, sposób identyfikowania tego centrum w poznawczym rozumie-

niu organizacji tekstu oraz sposób przesuwania i dynamicznego użycia centrum w procesie lektury.” (Ключевая исследовательская проблема ТДП – способ созидания дейктического центра автором, способ идентификации этого центра в познавательном понимании организации текста, а также способ перемещения и динамического использования центра в процессе чтения.) [Stockwell 2006: 70].

1.4. Дейксис, понимание и интерпретация

Восприятие и понимание дейксиса обусловлены главным образом его пространственно-наглядным характером. Он выделяется особенно рельефно в гротескной образности, сочетающей удивительным интеллектуально-эстетическим образом сенсорный и духовный пласты в языке, демонстрирует их взаимное проникновение. В *Язык. Философия символических форм* / Е. Кассирер говорит: „Как в теории познания, так и в рассмотрении языка трудно можно провести строгую границу между областью сенсорного и областью интеллектуального [...]”. [Кассирер 1998: 166]. Немецкий философ принимает слова Канта, что понятия без наглядных примеров пусты, и убежден, что это распространяется с не меньшей силой и на языковое обозначение. [Кассирер 1998: 166].

Метафорическая передача духовных определений с помощью пространственных представляет метафору как дейктическую сублимацию и трансценденцию, как иллюстрацию союза между сенсорным и духовным.

Дейксис в гротескной образности литературного текста одновременно прото- и парарациональный феномен, стимулирующий потенциальную готовность Ч к восприятию. Гротеск напоминает дейктическую секвенцию, чья отправная точка – чисто соматический опыт, который, однако, не лишен духовного измерения, осязаемого как акт указания еще в первых простых звуках, впитавших новую энергию сознания, далеко превосходящую простое ощущение, на которое способно и животное, по словам Е. Кассирера [Кассирер 1998: 171]. Дальше развитие эволютивной линии гротеска, подобно указательным местоимениям, словно следует за ходом „изначальных мыслей”

об языковом строительстве, устремленных к восстановлению первичной омнигармонии (вселенской гармонии) и невредимого космического интегрита. И наконец, дейктический центр смещается по вертикали (так называемый вертикальный или асцендентный дейксис (наш термин)), предопределяя трансформативную, сублимативную и трансцендирующую метаморфозы гротескного изображения.

Е. Кассирер акцентирует на сенсорном происхождении дейксиса. По его мнению, дейктические маркеры являются следствием прямых „звуковых метафор”. Он называет их вокальными жестами, которые служат для усиления физических жестов. Гласные, подверженные прояснению различной степени, служат для выражения пространственной отдаленности; отдельные согласные и группы согласных обладают четко определенной сенсорной ориентацией – у некоторых из них центростремительная, а у других – центробежная тенденция. Следовательно, сам язык от проявлений фонетических особенностей до сложнейших синтаксических конфигураций дейктически маркирован, он – „путеводитель” по дейктическим маршрутам, а гротеск – его эстетический синтез или эстетизированное „сокращенное издание”. Субстанционально-сенсорная плотность гротеска, т.е. ее осязаемая предметность, тоже является функцией ее дейктически-пространственной природы, потому что только пространственные координаты создают впечатление о материальной обособленности предмета, выражают и подпитывают эмпирику, объективирующую нашу идею о нем. Субстанциональное единство (предметная консистенция) в гротеске, благодаря дейктическим интензиям⁴, преобразуется в динамично-функциональное единство, которое активизирует трансцендирующую функцию гротеска. Как сеть направлений, путей развития и силовых линий, он раскрывает свою трансформативную и комбинативную (конгруэнтную)

природу, которая провоцирует и вызывает созидательную деятельность как автора, так и реципиента. Таким образом, гротеск превращается в медиум для профилирования Я и для его разграничения от других субъектов. Благодаря ему В. Гомбрович добивается динамичной и развивающейся (инфинитной) автоидентификации и индивидуализации, в принципе недостижимой под давлением вездесущей Формы. Так как предметы в гротескной образности освобождаются от своего утилитарного предназначения, чтобы обнаружить свое настоящее бытие (и „свою самоличность”), В. Гомбрович по симпатии тоже идет по следам своей собственной аутентичности. Автолокализация в пространстве, особенно посредством пластичных качеств гротеска, способствует кристаллизации представления о собственном Я и о выяснении его стратегии. Очень уместны здесь слова Е. Кассирера: „Почти во всех языках именно *пространственные указательные* (местоимения) образуют исходную точку для отнесения *личных местоимений*.” [Кассирер 1998: 185–186].

Гротеск есть яркая иллюстрация тезиса Ч. Пирса, согласно которому самые совершенные знаки – это те, в которых иконический, указывающий и символический характер смешиваются в самых разных пропорциях [по Якобсону 1989: 121], а определение дейксиса Д. Лайонза успешно можно применить и по отношению к гротеску как типу дейктика: „Przez deiktyczność rozumiemy umiejscawianie lub wyznaczanie osób, przedmiotów, wydarzeń, procesów i czynności, o których mowa lub do których się odsyła, przez ich ustosunkowanie do kontekstu czasoprzestrzennego, tworzonego i podtrzymywanego aktem wypowiedzi oraz udziału w tym akcie jednego zazwyczaj nadawcy i co najmniej jednego adresata.” (Под дейксисом понимаем локализацию или обозначение лиц, предметов, событий, процессов и деятельности, о которых говорится или к которым отсылают, путем их отнесения к темпо-

рально-пространственному контексту, создаваемому и поддерживаемому речевым актом и участием в нем чаще всего одного продуцента и хотя бы одного адресата.) [Lyons 1989: 249].

Выведенный английским лингвистом дейксис **сопереживания** имеет естественное применение в гротеске, так как автор (А) с одной стороны напрямую („родственно”) связан с предметами, ситуацией или местом, к которому отсылает Ч – „скульптирует” сцену, на которой разыгрываются события, а с другой – солидаризируется с Ч, сокращает дистанцию между ним и собой. Усиленное употребление прямых дейктических маркеров, особенно тех, которые выражают пространственную близость, в доминированном гротеском творчестве В. Гомбровича, является знаком субъективной ангажированности. А и его экспрессивного приглашения к сотрудничеству и сопереживанию, адресованного Ч. Как раз здесь происходит слияние между дейксисом и модальностью, на которое обращает внимание Д. Лайонз [Lyons 1989: 279].

2.0. Дейксис в когнитивном курсе

Рассматривая эпистемические предикации дейксиса, Р. Лангакер отталкивается от заякоривающего фона: „Termin **tło kotwiczące** jest używany do wskazywania zdarzenia mownego, jego scenarii i uczestników. Tło kotwiczące składa się zatem z wielu elementów [...] Za centralny element tła można uznać nadawcę, stąd odniesienie do tła kotwiczącego często interpretowane jest jako odniesienie przede wszystkim do nadawcy.

Wyrażenie **deiktyczne** jest to wyrażenie, które zawiera tło kotwiczące lub jakiś jego element w swoim zakresie **predykcji** (czyli w swojej bazie).” (Термин **заякоривающий фон** употребляется для указания речевого события, его сценических атрибутов и участников. Следовательно, заякоривающий фон состоит из множества элементов [...] Как центральный элемент фона можем принять

4 Термин Симеона Янева, который мы заимствуем с идеей специфицировать его для целей нашего исследования. Нам он кажется подходящим для обозначения „указывающих” энергетических потоков (снопов), руководящих нашей ориентацией в дейктической схеме и подчеркивающих ее креативно-преобразовательные свойства, стимулируя в то же время творческие возможности адресата (Ч) в процессе восприятия и декодирования.

продуктора, и отсюда ссылка на него часто интерпретируется как ссылка прежде всего на продуктора.

Дейктическое выражение – то, которое содержит заякоривающий фон или какой-то его элемент в своем **предикативном** охвате (т.е. в своей базе). [Langacker 2005: 12].

Эти рассуждения имеют исключительное значение для нашего исследования и словно подтверждают нашу тезу, что гротеск имеет не только дейктическую конституцию, но и представляет собой макродейктому (мегадейктому) со сложной внутренне динамичной и иерархизованной дейктической структурой. Внешний макродейктический облик гротеска – в постоянной внутренней кореференции со своими интрадейктическими компонентами. Наша версия об эпистемических предикациях, в конкретном случае в зоне гротескного изображения, немножко иная. Ввиду эпистемической значимости каждого высказывания и слишком общей, неотчетливой (неупорядоченной, размытой) дефиниции эпистемической предикации (которая могла бы охватить буквально любое высказывание (любой речевой продукт)), предложенной Р. Лангакером, нам кажется целесообразным попытаться обнаружить эпистемические модальности, содержащиеся в предикации гротескной образности, и обосновать их присутствие. Разумеется, в таком скромном по объему исследовании невозможно это сделать, поэтому мы ограничимся лишь выделением некоторых основных положений. Чтобы не быть голословными, приведем определение Р. Лангакера:

Wśród wyrażen deiktycznych jest pewna ograniczona grupa, charakteryzująca się określonymi cechami i znaczeniem gramatycznym. Ponieważ odnoszą się one do wiedzy mówiącego na temat innych bytów i jego oceny ich statusu, proponuję określić je mianem **predykcji epistemicznych**. (Среди дейктических выражений есть одна ограниченная группа, которая характеризуется определенными чертами и грамматическим значением. И так как они связаны со знанием говорящего о

других существах и с оценкой их статуса, предлагаю назвать их **эпистемическими предикациями**.) [Лангакер 2005: 16].

По мнению американского когнитивиста, номинальные выражения являются десигнатом эпистемически „заякоренного” предмета, а предложения с личной глагольной формой – эпистемически „заякоренного” процесса. [Лангакер 2005: 17]. Каждое высказывание, по нашему мнению, содержит эпистемическую предикацию, а различие между высказываниями заключается в степени и способе ее выражения. Из выделенных Р. Лангакером трех характерных для эпистемической предикации черт принимаем как самую убедительную третью, которая, на наш взгляд, выступает в качестве индикатора высокой степени эпистемичности: „Zatem pierwszą różnicującą cechą predykcji epistemicznych jest fakt, że nie mogą one występować w pozycji predykatu zdaniowego, w której występują inne wyrażenia opisujące relacje – najwyraźniej bardzo bliskie znaczeniowo. Drugą cechą jest obowiązkowa deiktyczność. [...]”

Trzecia cecha różnicująca predykcje epistemiczne odnosi się do relacji walencyjnych (ang. *valence relations*). Mówiąc ściślej, element tła kotwiczącego, który funkcjonuje jako punkt odniesienia w predykcji epistemicznej, musi pozostać ukryty [...]” [Лангакер 2005: 20–21]. (Следовательно, отличительной чертой эпистемических предикаций является тот факт, что они не могут появиться в позиции предиката предложения, в котором уже есть другие выражения, описывающие взаимосвязи – определенно слишком близкие по значению. Другая особенность – это обязательная дейктичность. [...])

Третья отличительная черта эпистемической предикации касается ее валентностей. Точнее говоря, элемент заякоривающего фона, функционирующий как ориентационный пункт в эпистемической предикации, должен остаться скрытым. [...] [Лангакер 2005: 20–21].

Что касается первой особенности, то мы не считаем, что выражения, описывающие отношения, находятся вне эпистемичности. Скорее, они ее редуцируют, снижают ее степень; обязательная дейктичность характерна для каждого высказывания – но отличается разными вариантами и степенями проявления. Третья особенность – самая подходящая для обоснования нашего тезиса. Латентная позиция продуктора гротеска (А) как отправная точка перцепции обостряет и усиливает дейктическую природу гротеска и, соответственно, повышает степень ее эпистемической предикативности. Валентность как имманентная черта каждой языковой единицы и каждого высказывания особенно рельефна в гротескном изображении. В состоянии поливалентности она является его основной конструктивной потенцией, гарантирующей когезию элементов.

В такой перспективе гротеск как мегадейктому – монументальная иллюстрация эпистемической предикативности с латентным дейктором (заякоряющий фон) в лице А, который оперирует „снопом” внутренних эпистемических предикатов – следствие оживленной дейктической креолизации. Гротеск является эпистемическим ребусом (калейдоскопом, конгломератом) с результативным и сублативным (подводящим под общий знаменатель все остальные модально-предикативные векторы) характером.

3.0. Дейктическая специфика гротескной картины.

3.1. Гротеск обладает наиболее сильно выраженной дейктичностью в силу своего визуально-высказывательного характера, а также в связи с обстоятельством, что представляет собой словно пластично проиллюстрированную иронию, яркую ее метафору или ее экстенциональный дериват⁵. Компатибельные сочетания „несовместимых” предметов, элементов, сущностей, отношений и бытийностей, достигших удивительного эстетического симбиоза как готовность и предстартовый ансамбль (предварительная „хореография”) для трансценденции,

⁵ Подробнее о гротеске в статье Гротеск в когнитивно-прагматическом ракурсе (на материале творчества В. Гомбровича) [Хамзе 2014] и в ряде других наших исследований.

иллюстрируют дейктическую „поли-фонию” в гротескном пространстве. Оксиморонический алгоритм⁶ гротескного конструирования фокусирует дейкис в точке пересечения между компонентами антиномических пар и генерирует набор существенных принципов категории оксиморона, гарантируя бесконфликтное сосуществование их контрастных составляющих. **Интегративный дейкис** „сплетает” референциальную сеть взаимосвязей между вещами в гротескном изображении. Их совместимость – результат **коррелятивного и реципрокного дейкиса**. **Темпорально-хронологический дейкис** включается в оптимизацию, аккомодацию и объединение трех онтологических фаз гротескной конструкции: исконной предгротескной бытийности, новоприобретенной бытийности, вследствие гротескной интеракции с остальными элементами, сублимативной и трансцендентной сверхбытийности как функции субстанциальной интерференции. И наконец, **трансцендентный дейкис**, указывающий возведенное в сферы Космического философско-эстетическое послание гротеска. Именно ему обязано „макетное” восстановление универсального баланса путем интеллектуально-экспрессивного синтеза. Интерактивный дейктический обмен выделяет одну из важных функций дейкиса – регуляционную.

3.2. Демонстратив to как дейктор в гротескной зоне

Перед тем как рассмотреть указательное местоимение *to* и его роль в гротескогенезе у В. Гомбровича, мы хотели бы сослаться на Дж. Лакоффа и М. Джонсона, по мнению которых „rozumienie *to* chwytanie” („понимание - это (букв. *это есть*) улавливание”): „Owo „*to*” należy traktować jako skrót pewnego zbioru doświadczeń, na których oparta jest metafora i z których pomocą ją rojmuujemy.” („Именно „это есть” нужно толковать как синтез-сокращение накопленного опыта, на котором покоится метафора и благодаря которому мы ее понимаем.”) [Lakoff, John-

son 1988: 43]. Эта констатация американских ученых направляет наше внимание на что-то очень важное – транспозитивную функцию безличного демонстратива, которая порождает метафору и укрепляет ее в сознании, отождествляя с ее первоисточником. Как синтезированная и стилизованная „голограмма” нашего опыта, *to* исполняет роль транслятора в ассоциативном переносе, а кроме того утверждает ценность и прагматическую полезность нашего экзистенциального опыта. Согласно Р. Ницоловой, демонстратив *это* обладает самой широкой возможной экстензией [Ницолова 1986: 116]. Е. Табаковска извлекает эмоциональный заряд лексемы *to*: „Jest rzeczą charakterystyczną, że pojęcie fizycznej bliskości zawarte w centralnym znaczeniu leksemu „*to*” zostaje odwzorowane na pojęcie dystansu emocjonalnego – fizyczna bliskość uzyskuje metaforyczne rozszerzenie, nabierając znaczenia „bliskości emocjonalnej.” (Интересно отметить, что понятие о физической близости, содержащееся в центральном значении лексемы „это”, словно переносится на понятие об эмоциональной дистанции – физическая близость получает метафорическое расширение, приобретая значение „эмоциональной близости.”) [Tabakowska 2001: 145].

Цепочная дейктичность демонстратива *to* в отрывке из *Ślub* (*Обручение*) В. Гомбровича имеет трансформативную функцию – превращает доминантную иронию⁷ в гротеск. Сгущение и эскалирование эмоциональной энергии, щедро подпитываемой диминутивными формами как комплементарный (вторичный, поддерживающий) дейктор, вызывает гротескную метаморфозу, привлеченную вторым (смещенным) дейктическим центром – не ребенком, а уже зрелым мужчиной: Henryk, как объект материнских чувств, чей возраст не соответствует обильной гипокористики.

– *Henryś! Chryste Panie! [...] a to kto mógł świętym przecuciem tknięty*

przecuć, że coś takiego, złotko moje, słonko moje, szczęście moje, o, że to ja stara, głupia, nie zmiarkowała, ale gdzie to ja oczy podziiała, a ja oczy wyplakala, a ja myślała, że już cie nie zobaczę oczy moje, słonko moje, a to tu przede mną robaczek mój, ptaszyna moja, skarbek mój, a jak to wyrósł, jaki to mężczyzna, alleluja, alleluja, pójdz, niech cie uściskam [...]

(– *Хенриш! Боже мой! [...] да кто ж подумал бы, святым чувством облаканный, что что-то такое... золотце мое, солнышко мое, счастье мое, ох, да я ж такая старая, глупая, как же не догадалась, да куда ж я глаза эти подевала, ох, глаза я выплакала, а ведь думала же, что больше тебя не увидят глаза эти, солнце мое, а то ты тут передо мной, червячок мой, птичка моя, зернышко жемчужное мое, как же он вырос, каким же мужчиной стал, аллилуйя, аллилуйя, иди ко мне, дай тебя обнять[...]*) [Ś, 105–106] [Здесь и далее подчеркиваю то мной – Д. Х.].

Гротескогенные функции дейктора *to* в цитированном фрагменте – следующие: 1. Идентификационная функция: рельефно очерчивает, центрирует личность говорящего (Матери), фиксирует ее как дейктическое ядро и усиливает ее субъективную позицию, как и субъективность перцепции вообще – она окрашена ласковостью, фамильярностью, интимностью. 2. Аксиологическая функция: придает оценочность высказыванию с позиции говорящего, но и с позиции воспринимающего (как коммуникативный партнер героини – ее сын Henryk, так и коммуникативный партнер А – Ч), который „узнает” гротеск как художественное высказывание. 3. Референциальная функция (на самом деле она одновременно биреференциальная и биидентификационная): указывает и говорящего (субъект высказывания) и слушателя (его объект). 4. Супремативная (организующе-руководящая, регулятивная и дистрибутивная) функция *to* – лексема – дейктический центр, осевая конструкция,

6 Больше по вопросу в статьях *The Grottesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz)* [Hamze 2013a] и *Оксиморон – гротесковая арматура в творчестве В. Гомбровича* [Хамзе 2013б]

7 Анализ иронических посланий в текстуальном фрагменте см. в статье *Когнитивно-прагматические аспекты комиксы* [Хамзе 2012б].

которая профилирует перцептивное ядро и „фонировать” второстепенные объекты (относит их к фону). 5. Экспрессивная функция: производная как ориентированной вовнутрь и в глубину по направлению к своему источнику интровертирующей (интраполирующей) функции, так и экстенционального ее приложения (расширения) в виде частичной экстраполяции (семиэкстраверсии), но в очертаниях той же душевно-интимной атмосферы, ориентированной на слушателя, который ассоциирован в общем эмоциональном пространстве. 6. Итеративная (скалярная, асцендентная и аппроксимативная) функция: повторение демонстратива одновременно сгущает эмоциональное напряжение и усиливает экспрессию, „добивающуюся” какой-то обобщенности (синтеза) и гегемонии чувства (одержимости эмоцией), экспансивно „обрушивающегося” на свой объект. Эта функция стимулирует превращение пространственного дейксиса в эмфатический (*to* „идентифицирует себя” как бидейктический маркер). 7. Транслятивная (трансформативная и фузивная) функция: напрямую связана с предыдущей; экспансия трогательного материнского умиления окутывает и сливает в одно тело маленького сладко-наивного ребенка и зрелого мужчину. Эта функция выделяет наиболее рельефно гротескопорождающую функцию, квазиаппроксимативную в утилитарном аспекте, которая на самом деле является суммарным следствием всех остальных функций демонстратива. 8. Субстантивизирующая функция: *to* напоминает субстантиватор. Предикативная конденсация демонстратива в состоянии потенциальности „субстантивировать” (объективировать, опредмечивать) субъекты, которые становятся объектом какого-то возможного действия или все-возможных действий, превращаются в фокус омпредикативности. Мать „наблюдает саму себя” как объект (глазами внутреннего автора, перевоплощенного в образ героини) и „иронизирует над собой”, осознавая свою гротескную по-

зицию. Идентифицируя этот взгляд, Ч в состоянии распознать гротескность изображения. 9. Коммуникативная функция: гротескная образность поднимает и градус дискурсивного обмена, укорачивает дистанцию между А и Ч, поощряет и активизирует их общение. 10. Рецептивно-интерпретативная функция: „устремленные” к гротескной метаморфозе интензии (и функции) демонстратива *to* активируют герменевтические способности Ч.

3.3. Дейктическая пространственность в гротескном мире В. Гомбровича

Психологический оксиморон (я ребенок и в то же время зрелый мужчина), занимающий „почетное” место в тексте романа *Ferdynand* (*Фердинанд*) проявляется как перманентно реципрокная динамическая структура аллативно-аблативного типа. Это семантико-пространственное отношение, посредством которого „идентифицирует себя” прототипная падежная макроструктура, названная нами **полиспектральный спациатив**⁸, иллюстрирует как раздвоение героя, которое функционирует как дистрибуция между двумя его состояниями (ребенка и взрослого), так и временное дисбалансирование антиномии, когда одно из них имеет перевес. Так или иначе, равновесие поддерживается ритмичными чередованиями дисбалансов то в одну, то в другую сторону. В гротескной картине пространственные операторы чертят нестандартную траекторию разрастающегося пространства (посредством распределенных по степени интенсивности метафорических субстантивов) зрелого мужчины, чтобы резко свернуть его в фокусе ребенка (посредством инесива с трансформативно-результативным экспонентом – „w dziecku” („в ребенке”). Элативно-партиципальная цепь [„przeraziłem się własnej siły, pazurów, szponów, kulałów” („испугался своей собственной силы, когтей, кулаков”) иллюстрирует постепенное освобождение от силы зрелости и „уход” в беспомощность ребенка. Пространственные векторы обеспечивают метамор-

фозу героя, которая свидетельствует, с одной стороны, о спорной, многозначной, флукуативной и мобильной самоидентификации, как и о неизбежной субординированности по отношению к Формальным императивам, „заставляющим” субъект действовать определенным, даже неожиданным для него образом:

Infant, infantyl – król, dziecko, pan-dziecko rozpedzone, och, gdybym teraz ciachnął ciocię, jużby się nie podniosła – i przeraziłem się własnej siły, pazurów, szponów, kulałów, mężczyzny zląkłem się w dziecku. [F, 266].

(Инфант, инфантильный – король, ребенок, господин-ребенок сумасбродный, ох, звезданул бы я сейчас тетю, не шевельнулась бы она больше – а я испугался собственной силы своей, когтей, кулаков, мужчины испугался в ребенке.)

В другом отрывке того же романа нарратор предлагает новую, хотя и спорadicескую, но плодоносную в психо-эстетическом отношении перспективу для освобождения от нашей неизбежной зависимости от диктатуры Формы, посредством динамического разнообразия пространственных координат, синтезированных в конкретном примере оксиморонов в некоторых из его разновидностей: психологических, семантических, синтаксических. Эгоцентрические фразы, представляемые активом в его функции главного актанта в предложении и усиленные демонстративами („**Ja w to wierzę – ja to czuję – ja taki jestem – ja tego bronię**”) („Я верю в это – я ощущаю это – я такой – я защищаю это”), контрируются – путем вводящей через социатив (+ модалис) фразы („powiemu z pokorą” („проговорим смиренно”)) – пассивно-эргативными секвенциями, объединенными с иллативными и аллативными конструкциями с оценочным нюансом и поддерживаемыми личными и указательными местоимениями, при том повторенными, как и глаголами в безличной форме („Mnie się w to wierzy – mnie się to czuje – mnie się to powiedziało, uczyniło, pomyślało.” („Мне верится

⁸ См. статьи: Аспекты падежности (на материале польского языка) [Хамзе 2012в] и Аспекты падежности (на материале польского языка) [Хамзе 2013в]. Там обоснован и выбор латинской терминологии как самой подходящей для выражения пространственного характера падежности.

в это – мне чувствуется это – мне это выговорилось, сделалось, подумалось.”). Эти фразы внутренне амбивалентны в смысловом отношении: с одной стороны, показывают даже „визуально” нашу зависимость от Формы, но так как в данном случае Форма тождественна Антиформе (идет речь об освобождении от декларативно-риторической самовлюбленности творческого субъекта и расщеплении классической Формы посредством Формы-Антиформы Молодости, Незрелости, Низшего, посредством их безыскусного обаяния и пленительно-го ревитализирующего примитивизма простолудия), а с другой стороны, имеют ре-формативную и трансформативную функции – предлагают более аутентичную, созидательную и эвристическую экзистенцию. Они имеют и дополнительный смысловой акцент – неуместно даже говорить „Я...”, поскольку Я есть объект непрерывного давления и обработки со стороны вездесущей Формы, но если эта Форма на самом деле Контраформа или кривое зеркало Формального стандарта, стоит оставить себя под ее владычеством. Следующие предложения, построенные как серия метафорических аллативов-аблативов, представляют яркую оксимороническую иллюстрацию позиции рассказчика и фактуру гротескного изображения.

I zamiast ryczeć: „Ja w to wierzę – ja to czuję – ja taki jestem – ja tego bronię” – powiemy z pokorą: „Mnie się w to wierzy – mnie się to czuje – mnie się to powiedziało, czyniło, pomyślało.” Wieszczy wzgardzi swym śpiewem. Wódz zadrży przed swym rozkazem. Kapłan złęknie się ołtarza, a matka wpajając będzie w syna nie tylko zasady, lecz także zdolność umykania się im, iżby go nie przydużyły. [F, 92].

(И вместо того, чтобы прокричать: „Я верю в это – я чувствую это – я такой – я защищаю это – мы проговорим смиренно: „Мне верится в это – мне чувствуется это – мне это выговорилось, сделалось, подумалось.” Пророк презрит свой голос. Вождь задрожит перед своим приказом. Жрец испугается алтаря, а мать будет учить сына своего не только принципам, но и тому, как их избегать, чтобы они его не задушили.) [F, 92].

В третьем примере, из романа *Trans-Atlantyk*, действительная „покровительством” ситуативно-поведенческого, психологического и лексико-семантического оксиморона развертывается как сукцессивная гротескная картина. Сервильная церемониальность Советника посольства, который в принципе страдает высокомерием и комплексом покровительственного превосходства, но в целях национально-патриотической идеи должен сыграть сценку экзальтированного поклонника отечественных литературных „светил”, в первую очередь перед местными чужими соперниками, обнажает гротескный механизм действия всевластной Формы. Давление Формы настолько сильно и заразительно, что нарратор тоже попадет в плен к ней. Так она превращается в куртуазный этикет обмена помпезными хвалениями, прикрывающими взаимное невнимание и унижение. Ансамбль действительных функторов, „собирающих” гротескное пространство – суггестивная система „визуализирования” этого процесса. Антеессив („przede mną” („передо мной”)) в комбинации с метафорическим сравнением, выраженным негативно-экспрессивной лексемой („jakby mnie w pysk da!” („словно врезал мне в лицо!”)), прокладывает дорогу для риторического вопроса, содержащего прямой демонстратив и личное местоимение в реципрокной пространственной (аллативно-аблативной) зависимости, усиленные повторениями эвфемизированного путем умалчивания большей его части вульгаризма („O po cóż ten g...rz, co mnie za g...rza ma, Mistrzem nazywa?” („Так зачем же засранец этот, меня за засранца считающий, Virtuозом меня называет?”)). Пространственная действительность набирает скорость, словно эскалирует в следующем предложении посредством цепочно-реверсивных итеративных фраз. Это сложное предложение как развернутый синтаксический дейксис, составленное из нескольких дистрибутивно-дополнительных предложений, за которым следует эллипсис, кульминирует в лексикально-стилистическом оксимороне как симметричная дейкстема, кинетизированная посредством анте-

латива („i tak w honorach i w g... przed dom zajeżdżamy.” („и так в оказании почтения и в г... к дому прибываем”)):

Dźwięk kłamstwa jawnego, a przede mną z nagłą ucieleśnionego, jakby mnie w pysk da! O po cóż ten g...rz, co mnie za g...rza ma, Mistrzem nazywa? Wsiadamy tedy do karyjolkki. Jedziemy tedy karyjolkką, a choć najsilniej honory sobie wyświadczamy, to przecież wiedząc, że on wie, że ja wiem, że on wie, że ja wiem, i g...g... najsilniej sobie pogardzamy; i tak w honorach i w g... przed dom zajeżdżamy.

(Наглой лжи звон, а передо мной воплощение, словно врезало мне в рот! Так зачем же засранец этот, меня за засранца считающий, Virtuозом же меня вздумал называть? Тогда садимся в двуколку, и хотя расшибаемся засвидетельствовать почтение друг другу, и зная, что он знает, что я знаю, что он знает, что я знаю, и г...г..., яро друг друга презируем; и все так в искристом оказании почтения и в г... к дому прибываем.) [TA, 34].

В этом небольшом по объему исследовании не было возможности уделить внимание и другим представителям дейктики, таким как: метафора, сравнение, негация, повторение, словообразовательные структуры (диминытивы, неологизмы), разные синтаксические обороты, которые являются ключевыми для гротескогенеза в литературном творчестве польского писателя. Исследование каждого из них по отдельности, наверное, достигло бы монографических размеров. В целом, творчество В. Гомбровича можно определить как гротескную мегадейкстему.

Сделанный краткий обзор проблематики наводит на следующие выводы:

1. Гротеск как мегадейкстема показывает, что дейкторы в его диапазоне выстраивают системы взаимосвязей и функционируют в интеракции, преопределяющей и направляющей интерпретативные зондирования.

2. Результативный философско-эстетический дейксис как часть гротескной конституции трансформирует гротеск из контекстной величины в экстратекстуально-трансцендирующую и эволютивную категорию.

3. Изучение гротеска доказывает, что разница между текстовым и ситу-

ационным дейксисом является весь-ма условной. На самом деле, в оппозиции находятся не ситуационный – текстовой, а эксплицитный – имплицитный дейксис. В письменном (в частности, литературном) тексте есть ясные ситуационные маркеры, а в условиях физической коммуникации видимые ситуационные факторы являются текстопорождающими, хотя и в устной речи. Художественная литература представляет собой комплекс коммуникативных ситуаций и коммуникативных ракурсов. В ней встречается не только так называемый анафорический (или катафорический) тип дейксиса, но также и ситуационный. Гротеск выступает и как имплицитный мегадейктор: „Осмотри все это и интерпретируй его адекватно. Посмотри на него другими глазами.”.

4. Дейктические факторы в гротескной зоне расширяют коммуникативную платформу, увеличивают рецептивно-интерпретативный потенциал Ч и обогащают его диалог с А.

5. Способность Ч улавливать дейктические маркеры и, наряду с этим, обнаруживать дейксис в гротескном ареале как пере-сотворение мира, актуализирует, уплотняет и воссоздает (генерирует) сам дейксис.

6. Дейксис в гротескной зоне стимулирует и поддерживает как процесс автоидентификации и индивидуализации субъекта (он создает дейксальную координатную систему, контролирует ее и позиционируется относительно нее), так и процесс его социализации и консолидации с универсальными бытийностями.

7. Гротескный дейксис как Антиформа – это оптимальная стратегия противодействия гегемонии „дискриминирующей” Формы.

8. Благодаря дейксису как арматуре гротеска мы „дешифрируем” его как мультимодальный поликодовый гипертекст (снова приводим превосходный термин Ал. Залевской).

9. Дейксисом обусловлен асцендентальный характер гротеска – он может быть представлен разными по объему единицами: от одного слова до целого произведения (макродейкстема).

10. Функциональный диапазон

гротеска чрезвычайно богат, и в этом немалая заслуга принадлежит дейксису. Ведущей является эпистемическая функция, за которой идут референциальная, направляюще-регулирующая, консолидирующая, рецептивно-интерпретативная, экспрессивно-эстетическая, креативная, оценочная, либеративная (освобождающая), сублимативная и трансцендирующая.

11. Гротеск – это дейктический компендум и результат прослеживания дейктической схемы. Он вмещает разные виды дейксиса: интегративный, кореферентный, реципрокный, темпоральный, модальный, медиумичный, транслятивный, аллюзивный, метаморфический, трансцендентный.

12. Пестрая дейктическая палитра в пределах гротеска делает его много-степенным и многопрофильным когнитивным феноменом.

13. Сам язык есть „путеводитель” в познании, а гротескная дейкстема – это его эстетизированное „сокращенное издание”.

References:

1. Gombrowicz 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*, Warszawa., Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, skrót F.
2. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Ślub. Dzieła. tom IV. Dramaty.* – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, – pp. 89–224, skrót Ś.
3. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III.* – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, skrót TA.
4. Hamze 2013a: Hamze, D. *The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz).* W: „Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center””. - St. Louis, Missouri, USA, 2013a., pp. 383–390.
5. Jakobson 1989: Jakobson, R. *W poszukiwaniu istoty języka.* W: „W poszukiwaniu istoty języka 1. Roman Jakobson”, wybór i red. naukowa M.R. Mayenowa. – Warszawa., PIW, 1989, pp. 115–134.
6. Lakoff Johnson 1988: Lakoff G., Johnson M. *Metafory w naszym życiu.* – Warszawa., PIW, 1988. <http://dx.doi.org/10.2307/414069>

7. Langacker 2005: Langacker R. *Observacje i rozważania na temat zjawiska subiektywfikacji*, tłum. M. Majewska. – Kraków., Universitas, 2005.

8. Lyons 1989: Lyons J. *Semantyka 2.* – Warszawa., PWN, 1989.

9. Stockwell 2006: Stockwell P. *Poetyka kognitywna*, tłum. A. Skuczyńska. – Kraków., Universitas, 2006.

10. Tabakowska 2001: Tabakowska E. *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu.* – Kraków., Universitas, 2001.

11. Dimitrova 2009: Dimitrova S. *Lingvistichna pragmatika [Linguistic pragmatics].* – Veles., Sofija 2009.

12. Zalevszkaja 2012: Zalevszkaja A.A. *Znachenie slova i metafora «zhivoj polikodovoj gipertekst» [Word meaning and the metaphor „live polycode hypertext”].* *Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics., Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences (London, August 31 – September 06, 2012).* Published by IASHE, London 2012., pp. 189–191; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

13. Kasirer 2013: Kasirer E. *Ezikt. Filosofija na simvolichnite formi.* Vol. 1. – Sofija., Evrazija, 2013.

14. Nicolova 1986: Nicolova R. *Blgarskite mestoimenija.* – Sofija, Nauka i izkustvo [Science and art], 1986.

15. Hamze 2012a: Hamze D. *Kategoriite na komichnoto v perspektivata na ironijata v kognitivno-pragmatichen aspekt.*, V: „Spostavitelno ezikoznanie”, kn. 3. – Sofija., 2012a., pp. 39–52.

16. Hamze 2012b: Hamze D. *Kognitivno-pragmatichen aspekti na kómkata.* V: „Ezikt na vremeto. Sbornik s dokladi po sluchaj 70-godishnija jubilej na prof. d. f. n. Ivan Kucarov”. *Universitetsko izdatelstvo „Paisij Hilendarski”.* – Plovdiv., 2012b., pp. 355–364.

17. Hamze 2012v: Hamze D. *Aspekti na padezhnostta (vrhu material ot polskija ezik)* V: „Nauchni trudove na PU „P. Hilendarski”, Vol. 50., kn. 1, SB. V. - Plovdiv 2012v., pp. 412–428.

18. Hamze 2013b: Hamze D. Oksimoront – groteskovata armatura v tvorcestvoto na V. Gombrovich. V: „Aktualni problemi na b#lgaristikata i slavistikata. Vtora mezhduнародna konferencija, 9 - 10 noemvri 2012 g., VTU „Sv. sv. Kiril i Metodij“. - Veliko Trnovo., 2013b., pp. 414–423.

19. Hamze 2013v: Hamze D. Aspekty padezhnosti (na materiale pol'skogo jazyka) [Aspects of cases (on materials of the Polish language)], LXX International Scientific and Practical Conference „Language means of preservation and development of cultural values“. III stage of the championship in philology. (November 10 - November 15, 2013). - London., Published by IASHE, 2013v., pp. 48–57.

20. Hamze 2014: Hamze D. Groteskata v kognitivno-pragmatichen rakurs (vrhu material ot tvorcestvoto na V. Gombrovich). V: „Spovstavitelno ezikoznanie“, kn. 4. – Sofija., 2014.

Литература:

1. Gombrowicz 1956: Gombrowicz, W. Ferdydurke, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, skrót F.

2. Gombrowicz 1986: Gombrowicz, W. Ślub. Dzieła. tom IV. Dramaty. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986, 89–224, skrót Ś.

3. Gombrowicz 1986: Gombrowicz W. Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986, skrót TA.

4. Hamze 2013a: Hamze D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on

works by W. Gombrowicz). W: “Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center””, St. Louis, Missouri, USA, 2013a, s. 383–390.

5. Jakobson 1989: Jakobson R. W poszukiwaniu istoty języka. W: „W poszukiwaniu istoty języka 1. Roman Jakobson”, wybór i red. naukowa M. R. Mayenowa, Warszawa: PIW, 1989, s. 115–134.

6. Lakoff Johnson 1988: Lakoff G., Johnson M. Metafory w naszym życiu. Warszawa: PIW, 1988. <http://dx.doi.org/10.2307/414069>

7. Langacker 2005: Langacker R. Obserwacje i rozważania na temat zjawiska subiektywizacji, tłum. M. Majewska. Kraków: Universitas, 2005.

8. Lyons 1989: Lyons J. Semantyka 2. Warszawa: PWN, 1989.

9. Stockwell 2006: Stockwell P. Poetyka kognitywna, tłum. A. Skuczyńska. Kraków: Universitas, 2006.

10. Tabakowska 2001: Tabakowska E. Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu. Kraków: Universitas, 2001.

11. Димитрова 2009: Димитрова С. Лингвистична прагматика. Велес: София 2009.

12. Залевская 2012: Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences,

the II stage of the Championship in philological sciences (London, August 31 – September 06, 2012). Published by IASHE, London 2012, 189–191; електр. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

13. Касирер 2013: Касирер Е. Езикът. Философия на символните форми. Том 1. София: Евразия, 2013.

14. Ницолова 1986: Ницолова Р. Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986.

15. Хамзе 2012а: Хамзе Д. Категориите на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен аспект. В: „Съпоставително езикознание“, kn. 3, София, 2012а, 39–52.

16. Хамзе 2012б: Хамзе Д. Когнитивно-прагматични аспекти на комиката. В: „Езикът на времето. Сборник с доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д. ф. н. Иван Куцаров“. Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, Пловдив 2012б, 355–364.

17. Хамзе 2012в: Хамзе Д. Аспекти на падежността (върху материал от полския език) В: „Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски“, том 50, kn. 1, СБ. В, Пловдив 2012в, 412–428.

18. Хамзе 2013б: Хамзе Д. Оксиморонът – groteskovata armatura v tvorcestvoto na V. Gombrovich. V: „Aktualni problemi na българистиката и slavistikata. Vтора международна конференция, 9 - 10 ноември 2012 г., VTU „Св. св. Кирил и Методий“, Велико Търново 2013б, 414–423.

19. Хамзе 2013в: Хамзе Д. Аспекти падежности (на materiale полского jazyka). // LXX International Scientific and Practical Conference „Language means of preservation and development of cultural values“ / III stage of the championship in philology. (November 10 - November 15, 2013) Published by IASHE, London 2013в, 48–57.

20. Хамзе 2014: Хамзе Д. Гротеската в когнитивно-прагматичен ракурс (върху материал от творcestvoto на V. Gombrovich). V: „Съпоставително езикознание“, kn. 4, София, 2014.

Information about author:

Dimitrina Hamze - Doctoral Candidate, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

